

Индексы ассоциативного поля как параметры исследования речевого действия: к становлению метода

В. А. Пищальникова

*ИНИОН РАН, Москва, Россия
Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
pishchalnikova@mail.ru*

Аннотация. Цель исследования – обосновать положение, согласно которому совокупность признаков предикации между стимулом и реакцией может стать основой алгоритмического анализа ассоциативных полей слов. Теоретическая актуальность исследования связана с необходимостью развития теории речевого действия, начатой работами А.А. Леонтьева, и важностью упорядочения методических процедур анализа массива ассоциатов, имеющихся в современной лингвистике. Автор предлагает использовать в анализе реакций, полученных экспериментальным путем, ряд качественно-количественных индексов, отражающих существенные стороны процесса ассоциирования и значимые связи реакций, выявляющие структуру ассоциативно-вербальной сети. В статье демонстрируется также процедура применения индексов в установлении диахронического изменения содержательных связей между стимулом и реакцией.

Ключевые слова: речевое действие, индекс частотности реализации признака, индекс разнообразия признаков ассоциирования, индекс признаков ассоциирования, ассоциативно-вербальная сеть

Для цитирования: Пищальникова В. А. Индексы ассоциативного поля как параметры исследования речевого действия: к становлению метода // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 8 (902). С. 19–27.

Original article

Associative Field Indexes as Parameters of Speech Action Research: Towards the Formation of a Method

Vera A. Pishchalnikova

*INION RAS, Moscow, Russia
Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
pishchalnikova@mail.ru*

Abstract. The purpose of the study is to substantiate the position according to which a set of predication features between a stimulus and a reaction can become the basis for algorithmic analysis of associative fields of words. The theoretical relevance of the research is related to the need to develop the theory of speech action, initiated by the works of A.A. Leontiev, and the importance of streamlining methodological procedures for analyzing the array of associates available in modern linguistics. The author suggests using a number of qualitative and quantitative indices in the analysis of reactions obtained experimentally, reflecting the essential aspects of the association process and significant connections of reactions, revealing the structure of the associative-verbal network. The paper also demonstrates the procedure of using indices in establishing diachronic changes in the meaningful connections between a stimulus and a reaction.

Keywords: speech action, index of frequency of feature realization, index of diversity of association features, index of association features, associative-verbal network

For citation: Pishchalnikova, V. A. (2025). Associative field indices as parameters of speech action research: towards shaping the method. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 8(902), 19–27. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Поиски алгоритма анализа ассоциативных полей (далее АП) слов требуют объединения разрозненных методик их изучения в исследовательский метод. Исследование *признаков ассоциирования*, выявляющих характер предикации между стимулом и реакцией и рассматриваемых, по А. А. Леонтьеву, как речевое действие (далее РД), может составить ядро такого объединения. Актуальность подхода связана, во-первых, с давно осознаваемой необходимостью установления сущности РД как конструктивной составляющей речевой деятельности, во-вторых, с выработкой такого алгоритма анализа данных АП, который позволяет отойти от бессмысленного семантического анализа реакции в отрыве от вызвавшего ее стимула. Такая работа будет способствовать углублению представлений о строении ассоциативно-вербальной сети и факторах, активирующих те или иные ассоциации. В статье доказывается, что количество выявленных признаков ассоциирования (индекс признаков ассоциирования), индекс разнообразия признаков ассоциирования, индекс реализации операций синтаксирования и др. являются важными показателями существенных связей в ассоциативно-вербальной сети и позволяют показать, как можно использовать предлагаемые нами индексы в анализе диахронического изменения содержательных связей между стимулом и реакцией.

Ассоциативный эксперимент (далее АЭ) до сих пор эффективно используется в качестве метода сбора и первичной классификации ассоциативных данных при формировании АП, хотя авторы многих работ говорят о нем как об *исследовательском методе* [Дмитрюк, 2000; Закорко, 2012; Залевская 2014; Уфимцева, 2014; Курганова, 2019; Стернин, 2022]. Но чтобы экспериментальная методика сбора эмпирического материала могла преобразоваться в метод, необходима разработка такой последовательности приемов и операций анализа ассоциативных данных, которая в результате приводила бы к установлению *существенных* свойств РД как основной составляющей речевой деятельности, т. е. структурировала бы и направляла процесс познания психолингвистических закономерностей бытия слова. Это позволяет, с одной стороны, обеспечивать надежность и воспроизводимость анализа АП, с другой – варьировать последовательность приемов в зависимости от целей исследования, создавая новые методики. В алгоритмичности приемов и операций, образующих метод, фиксируются закономерности определенной проблемной области, и применимость / неприменимость алгоритма к определенному материалу может свидетельствовать как о его презентативности, так и правильности постановки теоретической проблемы.

Одним из важнейших методологических положений теории речевой деятельности является то, что *интерпретация значения ассоциатов вне их связи со стимулом* научного результата не дает, поэтому необходимо исследовать параметры АП, важные для установления содержания и специфики различных психолингвистических категорий, для выявления их сущности, закономерностей психологически актуального функционирования единиц языка, опираясь на анализ предикативных отношений между стимулом и реакцией.

Нужно такое описание смысловых и количественных отношений между реакциями АП, которое демонстрирует не только *частотность* тех или иных способов фиксации смыслов, актуальных для человека, но также способы их вербального представления, что дает возможность прогнозировать тенденции развития значения стимула, расширение контекстов его употребления и др. Сделать это без детального исследования отношений ассоциатов внутри АП невозможно. Если мы говорим об АП как материале для моделирования ассоциативно-вербальной сети индивида, необходимо *найти универсальные параметры объединения реакций в такой сети*. Они должны выделяться на основе строгих процедур и не менее строго контролироваться в эксперименте. Конечно, всю совокупность факторов, обуславливающих ассоциирование, верифицировать в одном, даже многоэтапном эксперименте, невозможно [Пищальникова, 2020], как невозможно и создание общей модели, объединяющей все параметры, в силу стохастичности процесса порождения РД и принципиально бесконечной ассоциативности индивида. Но чем больше будет установлено таких параметров, тем шире будут теоретические возможности анализа разных психолингвистических проблем на базе материала АП, поэтому его структура должна задаваться, по крайней мере, *контролируемыми* параметрами. При этом нужно подчеркнуть, что говорящий в процессе порождения РД руководствуется не теоретическими представлениями о языке как механизме, а речевым опытом применения определенных типов *речевых действий* в известных ему коммуникативных ситуациях [Карданова-Бирюкова, 2023]. В АЭ испытуемые практически полностью свободны от коммуникативных условий (за исключением требования вербальности реагирования), и потому при ассоциировании наиболее очевидно проявляются индивидуальные умения и предпочтения индивида, в том числе в области использования определенных операций при продуцировании речи. Актуальный, психологически значимый для индивида смысл представляется в конкретном РД – ментальной операции порождения такого смысла. Любое высказывание предсказывает

ситуацию, в которой субъект производит осмысленное действие или неосознаваемую операцию, при этом восприятие свойств объекта слушающим во многом зависит именно от эффективности РД говорящего.

До сих пор почти единственным основанием структурирования АП в большинстве работ является частотность ассоциатов, которая, естественно, не отражает всех признаков предикации в РД, а между тем именно толкование таких признаков ведет к установлению мотива речевой деятельности – проблемы, фундаментальной для психологии и психолингвистики.

Системный анализ ряда индексов, разработанных американскими учеными и примененных к характеристике АП русской лингвокультуры, дает значимые результаты при смысловой интерпретации ассоциатов [Степыкин, 2016; Степыкин, 2021; Ассоциативный эксперимент..., 2019; Пищальникова, Степыкин, 2024].

В настоящем исследовании автор на основе многолетней работы с данными АЭ вводит еще несколько индексов, выявляющих отношения между ассоциатами в составе АП, и предлагает последовательность применения приемов их анализа, позволяющих говорить об АЭ как *исследовательском методе*.

ИССЛЕДОВАНИЕ. ИНТЕРПРЕТАЦИЯ АССОЦИАТИВНЫХ ДАННЫХ

С целью установления роли связей ассоциатов в АП для определения сущности и динамики механизма РД предлагаем учитывать следующие параметры АП, как уже используемые в психолингвистике [Nelson, Schreiber 1992; Nelson, Bennett, Leibert, 1997], так и предложенные нами [Пищальникова, 2020; Степыкин 2021].

Частотность реакции как отношение количества лексем-реакций к общему количеству компонентов АП в *выборке* определяет значимость лексемы-ассоциата в структуре АП. Частотность – это по сути проявление операциональности (неосознаваемости) владения единицами языковой системы и их связями. Как правило, такие реакции не представляют индивидуальных смыслов, за исключением реализации смыслов в научном дискурсе, и активируют разного рода устойчивые отношения единиц языка, фиксирующие их интересующие содержания: *небо – голубое*. Мы уже отмечали, что данный параметр используется в анализе АП практически как единственный. О частотности реакции идет речь в *совокупном индексе яркости значения* В. В. Левицкого и И. А. Стерникова [Левицкий, Стернин, 1989] в применении к анализу АП, но авторы устанавливают не соотношение

определенных реакций, актуализовавших тот или иной компонент значения, а отношение количества испытуемых, вербализовавших определенную сему в экспериментах, к общему числу испытуемых [Стернин, 2022].

Важным показателем отношений компонентов ассоциативно-вербальной сети является количество выявленных признаков ассоциирования, опирающееся и на единичные реакции. С целью формализации этого компонента предлагаем ввести понятие **индекса признаков ассоциирования** как отношения количества признаков ассоциирования к общему количеству компонентов АП. Этот индекс дает представление об основных тенденциях предсказания, связанных с определенным стимулом.

Кроме того, важным параметром анализа АП может стать **индекс частотности реализации признака** ассоциирования как отношение количества реакций, реализующих его, к общему количеству компонентов АП. Предположим, что признак «положительные свойства характера» в АП стимула *бабушка (доброта 7, доброта 3, умная 2, славная 2)* актуализируется в 14 ассоциатах из 100; в этом случае индекс частотности реализации признака составит 0,14.

Разнообразие признаков ассоциирования связывается с устойчивостью механизма продуцирования РД; изменение соотношения форм, реализующих это разнообразие, в сторону активизации какой-то одной (или нескольких), свидетельствует и об изменении самого механизма производства речи, или, по крайней мере, об изменении уровня языковой компетентности индивида, а в определенных культурных условиях – и языкового сообщества в целом. При этом проявляется тенденция: чем выше такой индекс, тем стереотипнее реакции в АП и тем реже РД, в рамках которого они представлены, реализует индивидуальный смысл. Например, анализ признаков на стимул *бабушка* выявляет 13 признаков ассоциирования по данным САНРЯ¹ и 12 – по данным ЕВРАС², причем индексы признаков ассоциирования и характер их разнообразия, как покажем далее, различаются.

Индекс разнообразия ассоциатов давно используется в исследовании АП, но он требует уточнения. Обычно под «степенью разнообразия реакций» понимается количество разных лексем-реакций по отношению к общему количеству реакций. Но такое соотношение не является показательным, поскольку

¹В современной отечественной психолингвистике САНРЯ – общепринятое сокращение «Словаря ассоциативных норм русского языка / под редакцией А. А. Леонтьева; Институт русского языка им. А. С. Пушкина. М.: Изд-во Московского университета, 1977.

²В современной отечественной психолингвистике ЕВРАС – общепринятое сокращение издания: Уфимцева Н. В., Черкасова Г. А. Русский региональный ассоциативный словарь: (Европейская часть России): в 2 т. М.: Моск. междунар. академия, 2018. Т. 1: От стимула к реакции.

разные лексемы могут реализовать один и тот же смысловой признак ассоциирования, хотя характер синтаксирования в РД стимул – реакция может быть разным: *бабушка – любимая 4, дорогая, любить, любовь* и под. Поэтому мы предлагаем ввести индекс **разнообразия признака ассоциирования** как отношение количества *разных* ассоциатов, реализующих определенный смысловой признак, к числу *всех* ассоциатов, реализующих данный признак. Чем выше такой индекс, тем частотнее / стандартнее реакция, тем более она операциональна, например, на слово *белый* получена 231 реакция *черный* из 600, следовательно, признак «антонимические отношения лексем как единиц языка» реализован в 231 случаях из 231 реакции, и индекс разнообразия этого признака ассоциирования равен 1. В другом случае признак «атрибутирование объекта предикации по признаку “возраст”» представлен реакциями *старая 78, старенькая 56, старушка 21, старуха 6, старость 5, старая женщина 2, ей 70 лет, пожилой человек, престарелый человек, старушонка, старый*, и индекс разнообразия этого признака ассоциирования ≈ 0.278 .

Значимость предлагаемого **индекса реализации операций синтаксирования** определяется работами Н. И. Степыкина [Степыкин, 2021], который, вслед за А. А. Леонтьевым и Т. В. Рябовой-Ахутиной, считает, что полный цикл продуцирования РД на основе операций смыслового, семантического и поверхностного синтаксирования свидетельствует о нормальном речепорождении; отсутствие поверхностного синтаксирования – о «сбоях» в механизме продуцирования РД. Анализ характера синтаксической связи между стимулом и реакцией с учетом модели речепорождения А. А. Леонтьева и Т. В. Рябовой-Ахутиной [Ахутина, 2007] позволил Н. И. Степыкину охарактеризовать три основных типа РД: полного цикла синтаксирования, топик-коммент структуры и синтаксические примитивы [Караулов, 2002]. Все три последовательные операции синтаксирования с преобладанием поверхностного синтаксиса образуют РД полного цикла синтаксирования (например, *бабушка старая, бабушка наша; бабушка в платке; бабушка далеко; бабушка вяжет; бабушка надвое сказала*). В процессе формирования топик-коммент структур реализуются смысловое и семантическое синтаксирование (например, *бабушка – дедушка; бабушка – внучка; бабушка – очки*), а в синтаксических примитивах – только смысловое (например, *бабушка – держаться; бабушка – Ленинград; бабушка – читать*). Доминирование той или иной операции синтаксирования при продуцировании РД определяется прежде всего уровнем языковой компетентности индивида и полностью согласуется с концепцией «соперничества» трех типов синтаксиса, которая разделяется зарубежными и отечественными

психологами и психолингвистами [Ахутина, 2022; Bates, 1976; Bruner, 1975; Bruner, 1984]. Индекс реализации операций синтаксирования – это соотношение количества операций определенного типа к общему количеству РД, представленных в АП (количеству ассоциатов в АП).

Для последовательного представления этапов реализации ассоциативного метода мы намеренно берем АП слова, которое обозначает ядерное понятие лингвокультуры, – *бабушка*. Для демонстрации метода содержательная устойчивость понятия является необходимым условием предполагаемой стабильности ассоциатов. Это позволяет считать, что доминантные признаки ассоциирования радикально не изменятся, но возможно изменение их разнообразия, частотности, характера синтаксических операций.

В перспективе необходимо продемонстрировать предлагаемый метод на разных группах ассоциатов и сравнить данные АП, полученные от респондентов разного возраста. Пока же мы основываемся на данных САНРЯ и ЕВРАС, издание которых разделено более чем сорока годами, но подавляющее большинство респондентов, на основе реакций которых составлялись словари, – это люди в возрасте от 17 до 25 лет с полностью сформированной языковой способностью и социально активные, что позволяет надеяться на получение широко разветвленной ассоциативно-вербальной сети. Анализируя АП разного временного среза, можно говорить о тенденциях изменения механизма продуцирования РД. Так, в частности, экспериментально доказано, что в настоящее время в русской лингвокультуре уменьшается количество РД полного цикла синтаксирования и растет число топик-коммент структур и синтаксических примитивов [Степыкин, 2021].

Произведем анализ данных АП *бабушка*, опуская анализ частотности ассоциатов и их разнообразия, поскольку эти показатели указаны в словарной статье, и акцентируя этапы исследования, которые в итоге дают существенное представление о характере структуры АП и РД.

Таким образом, мы предлагаем анализировать АП, применяя такую последовательность приемов: (1) выделение количества признаков ассоциирования в изучаемом АП; определение индекса признаков ассоциирования, (2) характеристика частотности ассоциатов, представляющих тот или иной признак; установление индекса частотности реализации признака; (3) характеристика разнообразия реализации выделенного признака; определение индекса разнообразия признака ассоциирования; (4) характеристика продуцирования РД; вычисление индекса реализации

операций синтаксирования. Эти параметры представляются необходимыми для первичной обработки связей ассоциатов внутри АП. Совокупность и последовательность этих приемов, приводящая к установлению существенных параметров АП и РД, может быть названа **методом признакового анализа** АП.

Продemonстрируем последовательность применения предложенных процедур на анализе АП *бабушка* (САНРЯ). Выделим признаки ассоциирования лексемы.

1. Антонимическое отношение лексем как единиц языка (*дедушка* 204; цифра рядом с лексемой-реакцией указывает на их количество в АП). Признак ассоциирования (= основание предикации) в данном случае актуализирует системные языковые отношения компонентов РД и демонстрирует операциональность, неосознаваемость реакции, что поддерживается ее частотностью. Частотность *ассоциата* совпадает здесь с частотностью реализации *признака предикации (ассоциирования)*, что дает предельно высокий индекс = 1 и говорит о доминировании признака в структуре АП.

Индекс разнообразия признака ассоциирования (далее РПА) в данном случае очень низкий – $\approx 0,005$, поскольку в АП 204 одинаковые реакции из 204, актуализировавших выделенный признак. Это свидетельствует о самой высокой степени стереотипности реакции и одновременно об операциональном характере РД.

Значение индекса РПА теоретически может находиться в промежутке от 0 до 1, и чем он выше, тем индивидуальнее представляется выделенный признак в структуре АП.

2. Атрибутирование объекта предикации по признаку «**возраст**»: *старая* 78, *старенькая* 56, *старушка* 21, *старуха* 6, *старость* 5, *старая женщина* 2, *ей 70 лет*, *пожилой человек*, *престарелый человек*, *старушонка*¹, *старый*. Индекс частотности реализации признака $\approx 0,278$ существенно ниже, чем в первой группе, что указывает на меньшую важность выделенного признака в АП, а индекс РПА ниже единицы – 0,064, что указывает на малое разнообразие представления признака ассоциирования. При этом в анализе учитываются в качестве отдельных как все разные словоформы одной лексемы (поскольку они образуют разные РД), так и однокорневые слова.

3. Атрибутирование объекта предикации по признаку «**положительные свойства характера**»: *добрая* 35, *доброта* 2, *умная* 2, *добренькая*, *добрость* (так у испытуемого. – В. П.), *добрый*, *самая добрая*, *(толстая и) добрая*; *милая*, *ласковая*, *ласка*, *башка*, *отношение ее*, *тихая*, *труженица*, *гостеприимная*,

¹Подчеркнутые ассоциаты содержат значимый коннотативный эмоциональный компонент.

держаться. Индекс частотности реализации признака $\approx 0,085$ ниже, чем у предыдущего признака, что отражает еще меньшую его значимость в структуре АП. Вместе с тем индекс РПА выше, чем в предыдущей группе, – 0,32.

4. Атрибутирование объекта предикации по признаку «**эмоционально-оценочное отношение к объекту предикации**»: *моя* 28, *хорошая* 14, *любимая* 4, *наша* 2, *родная*, *дорогая*, *любить*, *любовь*, *счастье* *иметь бабушку*, *тепло*, *близкий друг*, *надежда*, *скверная*, *моя бабушка*, *наша*, *это не дедушка*, *отличная*. Индекс частотности реализации признака $\approx 0,1$; индекс РПА – 0,28.

5. Атрибутирование объекта предикации по признаку «**внешние признаки объекта**»: *седая* 8, *очки* 7, *в платке* 4, *морщины* 3, *седина* 2, *в длинной юбке*, *в очках*, *толстая (и добрая)*, *в платочке*, *низенькая*, *розовая и седая*, *рыхлое*, *лицо*, *девочка*. Индекс частотности реализации признака $\approx 0,055$ ниже, но при этом индекс РПА выше – 0,471, что указывает на важность внешних признаков объектов при их восприятии.

6. **Смежность объектов**: *блины*, *грипп*, *дом*, *Киев*, *Ленинград*, *молоко*, *сказка*, *читать*, *школа*, *деревня*, *дерево*, *улица*, *соседка*, *газета*, *хорошо*. Индекс частотности реализации признака $\approx 0,024$; индекс РПА – 1,0, что в данном случае свидетельствует о единичности всех реакций.

7. **Смерть и приближение смерти**: *умерла* 4, *ушла* 2, *болеет*, *больная*, *гроб*, *нет*, *нет у меня*, *смерть*, *умереть*, *умрет скоро*, *царство ей небесное*. Индекс частотности реализации признака $\approx 0,024$; индекс РПА – 0,8.

8. **Родственная связь**: *родственник* 3, *предки* 2, *внучка*, *внуки*, *дед*, *деданька*, *дедушке*, *двоюродная*, *мама*, *тетя*. Индекс частотности реализации признака $\approx 0,021$; индекс РПА – $\approx 0,8$.

9. **Признак действия, выполняемого объектом предикации**: *вяжет* 2, *рассказывала*, *вспомнила*, *придет*, *ругает*, *ругается*, *сердится*, *встречать*, *читать*. Индекс частотности реализации признака $\approx 0,016$, индекс РПА – 0,8.

10. **Номинации** конкретных людей: *Васильевна*, *Надя*, *Наташа*, *Юркина*. Индекс частотности реализации признака $\approx 0,006$, РПА – 1.

11. Атрибутирование объекта предикации по признаку «**отрицательные свойства характера**»: *злая*, *крик*, *палец*. Индекс частотности $\approx 0,005$, РПА – 1.

12. Ассоциат *надвое сказала* относится к числу операциональных реакций, при которых неосознаваемо актуализируются системные языковые связи. Индекс частотности $\approx 0,002$, РПА – 1.

13. Неоднозначно интерпретируемые признаки: *квартира*. Индекс частотности $\approx 0,002$, индекс РПА – 1.

Некоторые ассоциаты могут быть интерпретированы на основе разных оснований предикции. Так, на основе устойчивых стереотипных культурологических ассоциаций выделяется группа реакций, связанных со сказочным образом бабушки из «Красной Шапочки» Ш. Перро: *красная шапочка, сказка, пирожки, вяжет, вязание, спицы, в платочке, в очках, розовая и седая, платочек, в длинной юбке*. Такая интерпретация возможна потому, что на деле респонденты не соотносят образы реальных бабушек с перечисленными признаками. Показательно, что и в ЕВРАС, спустя сорок лет, в 2,4 % ассоциатов реализуется тот же устойчивый образ сказочной бабушки, подкрепленный иллюстрациями к сказке Ш. Перро: *пирожки, с пирожками, волк, пироги, клюка, пряжа, плед* и др. Вместе с тем в ЕВРАС отмечены реакции, связанные с другими сказками и явлениями массовой культуры: *Яга* (персонаж русского фольклора Баба Яга), *гуси* (песня М. Клоковой-Лапиной и М. Красева «Жили у бабуси...»), *рядышком, рядышком с бабушкой* (песня И. Резника и Р. Паулса «Бабушка рядышком с дедушкой»), *бэтмэн* и др.

Таким образом, на основе анализа отношений между стимулом и реакцией выделено 12 однозначно интерпретируемых признаков ассоцирования и, следовательно, индекс (количества) признаков ассоцирования составляет $12: (622-1) = 0,019$. Установлена зависимость между выделенными индексами: чем ниже индекс частотности признака, тем выше индекс его разнообразия, что связано с репрезентацией низкочастотных признаков в единичных реакциях.

При сопоставлении показателей разных полей для получения значимых индексов необходимо сделать выборку из разных АП.

Проанализируем признаки ассоцирования лексемы *бабушка*, по данным ЕВРАС, чтобы проверить выявленные зависимости между индексами и установить динамику их значимости в структуре АП.

1. Словарь отражает изменение доминирующего основания ассоцирования: на первое место выходит атрибутивное описание объекта предикации по признаку «**возраст**»: *старая 43, старушка 19, старость 12, старенькая 6, возраст 3, старуха 2, молодая 2, в третьем поколении, пожилая, пожилая женщина, престарелый, старики, старейшина, старушки, человек в возрасте*, при этом наиболее частотные ассоциаты совпадают с реакциями, реализующими тот же признак в САНРЯ, – *старая, старенькая, старушка*, а лексические различия незначительны. Индекс частотности реализации признака $\approx 0,176$, индекс разнообразия признаков ассоцирования $\approx 0,158$ в целом указывают на высокую стереотипность реакций.

2. **Антонимическое отношение** лексем *бабушка – дедушка* демонстрирует операциональность реакции *дедушка 90*. Индекс частотности реализации признака в АП $\approx 0,166$, индекс РПА – 1. Частотность ассоциата в данном случае тоже совпадает с частотностью признака предикации и свидетельствует о высшей степени стереотипности реакций, т.е. об операциональном характере РД и его доминирующей значимости в структуре АП.

3. Атрибутивное описание объекта предикации по признаку «**положительные свойства характера**»: *добрая 24, доброта 11, добро 6, заботливая 2, мудрая 2, мудрость 2, веселая, доброе, добрый, ласка, выдержка, строгая, спокойная, порядок*. Индекс частотности реализации признака высокий $\approx 0,1$, индекс РПА $\approx 0,25$, что также говорит о стереотипности реакций.

4. Атрибутивное описание объекта предикации по признаку «**внешние признаки объекта**»: *платок 7, очки 3, в платке, платочек, седая, сморщенный*. Индекс частотности реализации признака $\approx 0,03$ значительно ниже, чем в предыдущей группе, индекс РПА данного признака $\approx 0,43$. Изменяется частотность реализации признака, частотность отдельных ассоциатов, резко падает разнообразие реакций по сравнению с данными САНРЯ.

5. Атрибутивное описание объекта предикации по признаку «**эмоционально-оценочное отношение к объекту предикации**»: *любимая 25, моя 21, родная 17, тепло 8, любовь 3, люблю 3, родня 3, дорогая 2, родное 2, злая 2, рева 2, близкий человек, богиня, любимая бабушка, милая, моя любовь, мягко, не забалуешь, черт, переживание, плакать, радость, самое дорогое, святое, сила, хорошая, это всё*. Индекс частотности реализации признака – 0,199; индекс разнообразия ассоциатов, реализующих признак, – 0,269. Индекс частотности реализации признака, по сравнению с САНРЯ, увеличился практически вдвое, что говорит об увеличении значимости признака в общей структуре АП, при этом разнообразие признака ассоцирования остается практически тем же, и это свидетельствует о стереотипности части реакций и об устойчивости ядерных ассоциатов, реализующих признак, что вполне объясняется отнесением исследуемого слова к номинирующим базовые понятия лингвокультуры. Вместе с тем отметим появление относительно значительного числа реакций (19 % по сравнению с 1,6 % в САНРЯ), выражающих негативное отношение к объекту предикации (*злая 2, рева 2, черт*).

6. **Смежность объектов**: *деревня 14, блины 3, блинчики 2, вязание 2, детство 2, дом 2, носки 2, уют 2, борщ, булочки, варенье, вишневый пирог, зима, клюка, конфеты, няня, огород, одуванчик, ослик*,

пирожки с вишней, пряжа, вязание, клубок, семечки, сказки, суп, творчество, трость, плед, болеть, лавка, память. Индекс частотности реализации признака $\approx 0,098$, индекс РПА – 0,6, что показывает усиление стереотипности реакций (*деревня 14, блины 3* и др.): в САНРЯ все ассоциаты, реализующие этот признак, отмечены как единичные.

7. **Родственная связь:** *родственник 10, семья 4, внучка, внук, внука, дед, и бабушка, дедушки, родня, кровь, мама, папа, теща, родство*. Индекс частотности реализации признака $\approx 0,048$, свидетельствующий о небольшом увеличении значения этого признака в структуре АП по сравнению с САНРЯ; индекс РПА – $\approx 0,538$ указывает на повышение стереотипности реакций.

8. **Смерть и приближение смерти:** *умерла 3, нет*. Индекс частотности реализации признака $\approx 0,007$; РПА – 0,5 говорят о резком падении частотности признака ассоциирования и сохранении высокой стереотипности признака разнообразия ассоциатов.

9. Признак **действия, выполняемого объектом предсказания:** *спит, болеет, вкусно готовит, готовит, ест, звонит, накормит, стряпает*. Индекс частотности реализации признака $\approx 0,048$; индекс РПА – $\approx 0,538$, что демонстрирует значимое увеличение стереотипности реакций. Подтверждается зависимость между индексами, установленная в анализе данных САНРЯ; отметим, что содержательно большинство реакций связано только с физиологическим состоянием объекта, названного стимулом. Разнообразие признаков ассоциирования существенно падает.

10. Номинации конкретных людей: *Маша, Аня, Зина, Ира, Настя, Тамара, В. И. Астафьева, друга, Кузьмы, Гэтман*. Индекс частотности реализации признака $\approx 0,018$; индекс РПА – 1,0.

11. Культурологические ассоциации: *Яга, с пирожками, пирожки, пироги, волк, рядышком, рядышком с бабушкой, гуси*. Индекс частотности реализации признака $\approx 0,048$; индекс РПА – $\approx 0,538$.

12. Операциональные реакции: *бабушка, Grandmother* с индексом частотности реализации признака $\approx 0,048$ и индексом РПА – $\approx 0,538$ говорят о низком уровне языковой компетентности конкретных испытуемых, которые или вообще не производят ассоциирования, или осуществляют операциональную связь со знаком другого языка, номинирующим стимул.

13. Неоднозначно интерпретируемые реакции: *дорога / дорога* (письменная форма реакции не позволяет однозначно интерпретировать ее содержание), *почета, чертополох, убийца, бэтмэн*.

Проведенный анализ признаков позволяет установить индекс признаков ассоциирования стимула *бабушка*, по данным ЕВРАС: $12:(622-5) \approx 0,019$.

Индекс реализации операций синтаксирования в связи с ограниченностью объема статьи по исследуемым данным приводиться не будет, но он рассчитывается без затруднений и также является необходимым этапом предварительного описания АП при решении любой исследовательской задачи.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Гипотеза о том, что количество признаков ассоциирования, выявленных в составе АП, а также индексы частотности и РПА находятся в закономерных связях и являются существенными параметрами ассоциативно-вербальной сети, доказана. Особенно значимы перспективы использования этих индексов в анализе диахронического изменения оснований предсказания. Устойчивость индекса признаков ассоциирования свидетельствует о структурной устойчивости исследованного АП. Вместе с тем качество и иерархическая последовательность признаков в структуре АП изменяется, индексы снижают / повышают свои числовые значения, свидетельствуя о разной степени снижения РПА и, следовательно, об увеличении стереотипности реакций и количества операциональных реакций.

Таким образом, метод признакового анализа АП включает последовательную реализацию таких исследовательских приемов: (1) моделирование АП по параметру частотности ассоциатов; (2) установление количества признаков ассоциирования в АП на основе интерпретации отношений предикации между стимулом и реакцией; определение индекса признаков ассоциирования, (3) характеристика частотности реакций, фиксирующих тот или иной признак предсказания (ассоциирования); определение индекса частотности реализации конкретного признака; (4) анализ разнообразия реализации выделенного признака; определение индекса РПА; (5) выявление специфики продуцирования РД; вычисление индекса реализации операций синтаксирования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Дмитриук Н.В. Ассоциативные портреты-характеристики представителей русского и казахского этносов // Языковое сознание и образ мира: сборник научных статей. 2000. С. 248–260.

2. Закорко С.В. Свободный ассоциативный эксперимент как основной метод психолингвистического исследования // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2012. № 1 (9). С. 105–109.
3. Залевская А.А. Что там – за словом? Вопросы интерфейсной теории слова. М.-Берлин: «Директ-Медиа», 2014.
4. Уфимцева Н.В. Ассоциативный словарь как модель языковой картины мира // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2014. № 9. С. 340–346.
5. Курганова Н.И. Ассоциативный эксперимент как метод исследования значения живого слова // Вопросы психолингвистики. 2019. № 3 (4). С. 24–37.
6. Стернин И.А. Лексикографическое и экспериментальное описание языкового значения // Вопросы психолингвистики. 2022. №1(51). С.112–121.
7. Пищальникова В. А. Экспериментальное психолингвистическое исследование значения слова: нерешенные проблемы // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия Лингвистика и педагогика. 2020. Т. 10. № 1. С. 17–30.
8. Карданова-Бирюкова К. С. Семиозис естественной коммуникации: детерминанты в вариативности // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 9 (877). С. 49–56.
9. Степыкин Н. И. Ассоциативное поле: продукт ассоциативного эксперимента и инструмент анализа значения слова // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия Лингвистика и педагогика. 2016. № 3. 2016. № 3. С. 110–115.
10. Степыкин Н. И. Потенциал применения формализованных параметров для моделирования речевого действия // Научный диалог. 2021. № 8. С. 112–127.
11. Ассоциативный эксперимент: теоретические и прикладные перспективы психолингвистики / В. А. Пищальникова и др. ; под ред. В.А. Пищальниковой. М.: Р-Валент, 2019.
12. Пищальникова В. А., Степыкин Н. И. Речевое действие как смыслообразующий компонент коммуникации: психолингвистические параметры анализа // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2024. Т. 23. № 3. С. 6–16.
13. Nelson D. L., Schreiber T. A. Word concreteness and word structure as independent determinants of recall // Journal of Memory and Language. 1992. № 31. P. 237–260.
14. Nelson D. L., Bennett D. J., Leibert T. W. One step is not enough: Making better use of association norms to predict cued recall // Memory & Cognition. 1997. № 25. P. 785–796.
15. Левицкий В. В., Стернин И. А. Экспериментальные методы в семасиологии. Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 1989.
16. Ахутина Т. В. Модель порождения речи Леонтьева – Рябовой: 1967–2005 // Вопросы психолингвистики. 2007. №6. С. 13–27.
17. Караулов Ю. Н. Русский ассоциативный словарь как новый лингвистический источник и инструмент анализа языковой способности // Русский ассоциативный словарь: в 2 т. / Ю. Н. Караулов и др. М.: АСТ: Астрель, 2002. Т. 1. С. 750–782.
18. Ахутина Т. В. Модель порождения речи школы Л.С. Выготского: основы и верификация // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2022. Т. 164. № 1–2. С. 7–27.
19. Bates E. Language and Context: The Acquisition of Pragmatics. New York: Acad. Press, 1976.
20. Bruner J. S. The ontogenesis of speech acts // Journal of Child Language, 1975. Vol. 2. № 1. P. 1–9.
21. Bruner J. S. The ontogenesis of speech acts // Psycholinguistics. Moscow: Progress, 1984. P. 21–49.

REFERENCES

1. Dmitrjuk, N. V. (2000). Associative portraits-characteristics of representatives of Russian and Kazakh ethnic groups (pp. 248–260): Jazykovoje soznanie i obraz mira: sbornik nauchnyj statej (In Russ.)
2. Zakorko, S. V. (2012). Free associative experiment as the main method of psycholinguistic research. The Science of the person: humanitarian researches, 1(9), 105–109. (In Russ.)
3. Zalevskaja, A. A. (2014). What's behind the word? Questions of the interface theory of the word. Moscow – Berlin: Direkt-Media. (In Russ.)
4. Ufimceva, N. V. (2014). Associative dictionary as a model of the linguistic worldview. Proceedings of Irkutsk State Technical University, 9, 340–346. (In Russ.)
5. Kurganova, N. I. (2019). Associative experiment as a method of studying the meaning of a living word. Journal of Psycholinguistics, 3(4), 24–37. (In Russ.)
6. Sternin, I. A. (2022). Lexicographic and experimental description of linguistic meaning. Journal of psycholinguistics, 1(51), 112–121. (In Russ.)

7. Pishhal'nikova, V. A. (2020). Experimental psycholinguistic study of the meaning of a word: unresolved problems. *Proceedings of the South-West state university. Linguistics and Pedagogy Series*, 10 (1), 17–30. (In Russ.)
8. Kardanova-Birjukova, K. S. (2023). Semiosis of natural communication: determinants in variability. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 9(877), 49–56. (In Russ.)
9. Stepykin, N. I. (2016). Associative field: a product of an associative experiment and a tool for analyzing the meaning of a word. *Proceedings of the South-West state university. Linguistics and Pedagogy Series*, 3, 110–115. (In Russ.)
10. Stepykin, N. I. (2021). The potential of using formalized parameters for modeling speech action. *Scientific Dialogue*, 8, 112–127. (In Russ.)
11. Pishhal'nikova, V. A. et al. (2019). *Assosiativnyj jeksperiment: teoreticheskie i prikladnye perspektivy psiholingvistiki* = Associative experiment: theoretical and applied perspectives of psycholinguistics. Ed. by V. A. Pishhal'nikova. Moscow: R-Valent. (In Russ.)
12. Pishhal'nikova, V. A., Stepykin, N. I. (2024). Speech action as a semantic component of communication: psycholinguistic parameters of analysis. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, 23(3), 6–16. (In Russ.)
13. Nelson, D. L., Schreiber, T. A. (1992). Word concreteness and word structure as independent determinants of recall. *Journal of Memory and Language*, 31, 237–260.
14. Nelson, D. L., Bennett, D. J., Leibert, T. W. (1997). One step is not enough: Making better use of association norms to predict cued recall. *Memory and Cognition*, 25, 785–796.
15. Levickij, V. V., Sternin, I. A. (1989). *Jeksperimental'nye metody v semasiologii*. = Experimental methods in semasiology. Voronezh: Izdatelstvo VGU. (In Russ.)
16. Ahutina, T. V. (2007). The Leontiev–Ryabova speech generation model: 1967–2005. *Journal of Psycholinguistics*, 6, 13–27. (In Russ.)
17. Karaulov, Yu. N. (2002). *Russkij assosiativnyj slovar' kak novyj lingvisticheskij istochnik i instrument analiza jazykovoj sposobnosti* = Russian Associative Dictionary as a new linguistic source and a tool for analyzing linguistic ability. In Karaulov, Yu. N. et al. *Russian Associative Dictionary* (vol. 1, pp. 191–218): in 2 vols. Moscow: AST: Astrel'. (In Russ.)
18. Ahutina, T. V. (2022). The Vygotsky School Model of Speech generation: fundamentals and verification. *Proceedings of Kazan University. Humanities Series*, 164(1-2), 7–27. (In Russ.)
19. Bates, E. (1976). *Language and Context: The Acquisition of Pragmatics*. New York, Acad. Press.
20. Bruner, J. S. (1975). The ontogenesis of speech acts. *Journal of Child Language*, 2(1), 1–19.
21. Bruner, J. S. (1984). The ontogenesis of speech acts. In *Psycholinguistics* (pp. 21–49). Moscow: Progress.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Пищальникова Вера Анатольевна

доктор филологических наук, профессор
заведующий лабораторией психолингвистики
Московского государственного лингвистического университета
главный научный сотрудник ИНИОН РАН

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Pishchalnikova Vera Anatolyevna

Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor
Head of the Laboratory of Psycholinguistics, Moscow State Linguistic University
Chief Researcher at INION RAS

Статья поступила в редакцию	19.06.2025	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
одобрена после рецензирования	14.07.2025	
принята к публикации	20.08.2025	